

*Продолжаем знакомить
читателя с творчеством
Г. Исхаки в переводах
А. Килеевой-Бадюгиной*

172

Писатель в своей варшавской квартире. 1938

Гаяз Исхаки

Он ещё не был повесть женат

ОН ВСЁ ещё помнил, как они познакомились. Оказавшись соседями на опере «Фауст» в Народном доме, одалживали во время действия друг у друга бинокль. Всё было делом случая – спектакль, артисты, игра, мимолётный обмен мнениями о музыке. Их пальто на вешалке тоже оказались рядом, и на улицу они вышли вместе. Дальше, не договариваясь, шли, продолжая начатый в зрительном зале разговор. В толпе, среди шумных автомобилей, неожиданно выезжавших оттуда и отсюда, пробираясь между бранившимися воз-

чиками, они не успели даже поинтересоваться: «Вам куда?»

Перейдя на противоположную сторону улицы и освободившись немного от толчеи, женщина сказала: «Мне направо». «И мне туда», – отозвался Шамсетдин, и они снова пошли рядом, продолжая разговор. А когда ему пора было свернуть за угол, он с разрешения женщины пошёл провожать её. Она очень осторожно ступала по скользкому льду. Шамси подхватил её под руку и довёл до деревянного двухэтажного дома в тихом переулке.

– Это мой дом, – сказала женщина и протянула ему ладонь. – Спасибо за провода.

Из разговора он узнал, что молодая русская женщина эта часто ходит в театры. Шамсетдин сказал:

– Ну что ж, может, ещё увидимся, я вечерами тоже в театре нередко бываю, дома всё равно делать нечего.

– И я большая любительница театра, – подхватила женщина. – Вот, собираюсь на «Пиковую даму». Уже завтра ставят.

– В Александринке? – уточнил он и, услышав утвердительный ответ, добавил: – Туда я уже купил билет.

Новое совпадение! Случай продолжал управлять ими, разрушая в отношениях отчуждённость. Оба отчего-то сочли нужным показать друг другу билеты. Хотя места на этот раз не были рядом, зато оказались на одной стороне галёрки.

На другой день в театре они уже поздоровались как старые знакомые. На ней была розовая блуза с ярко-красными полосами, отчего подбородок её казался беломраморным с нежнейшим розовым оттенком. Шею украшало ожерелье из чёрных камней, похожих на янтарь. В руках женщина держала ридикюль из какой-то необычной материи с изящной вышивкой. И одета она была по-особенному. Во время антрактов они прогуливались вместе. Обсуждали игру, хвалили певца Островского. Во время третьего перерыва, по предложению Шамси, попили в буфете лимонада. Четвёртое действие смотрели вместе, поменявшись местами с соседом.

Выйдя из театра, Шамси, нисколько не смущаясь, пригласил её на ужин. Женщину его предложение не удивило. Она спокойно, без кокетства сказала:

– Я не голодна, но если вы хотите поесть, вам лучше перекусить в гостинице.

Он, стоя, подкрепился, она, стоя, съела шоколадку. Потом он заказал себе чаю.

Ночь была славная. Следующий день был праздничный, оба были на-

мерены пойти в магазины. Они шли по Невскому пешком, потом сели в коляску и поехали по мосту.

В этот раз Шамси узнал, что знакомую зовут Анной Васильевной, что муж её умер два года назад, и она вместо него работает в магазине одежды приказчиком, а вечерами ей нравится ходить в театр.

Третья встреча была случайной наполовину. Хозяину магазина, где работал Шамси, навязали два билета на благотворительный детский концерт «Утро» в помощь детям бедноты. Но поскольку день был субботний, билеты хозяин отдал Шамси, чтобы ими не могли воспользоваться его работники. Шамси сразу же сообщил по телефону Анне Васильевне, что у него есть два билета на детский утренник, и получил её согласие.

Они встретились в маленьком зале на окраине города. Зрителями в большинстве были дети со своими нянями. Концерт тянулся долго. Дети хорошо пели хором, оркестр их замечательно играл весёлую музыку. Наши друзья успели проголодаться, чая с пирожными во время перерыва им показалось мало. После концерта отправились на поиски столовой. Зашли в первое попавшееся польское кафе. Шамси заказал множество блюд. Насытившись, выпили в заключение по стакану клюквенного киселя и принялись за кофе.

Когда вышли на Невский, короткий петербургский день подходил к концу, фонари были зажжены. Поскольку день был праздничный, улицу заполнил народ в пёстрых нарядах. Было скользко, люди в тесноте часто толкали друг друга, поэтому Анна Васильевна сама взяла Шамси под руку. Отяжелевшие, они двигались не спеша, перебрасываясь незначительными словами. Спешить домой было незачем, хотелось подольше побыть на воздухе, а потому большую часть проспекта прошли пешком. Добравшись до конца, наблюдали, как люди с боем занимали в вагоне трамвая места. Извозчиков не было.

В переполненном трамвае люди

ругались с кондуктором. Нашей паре не сразу удалось занять места. Выйдя из вагона, оба ощутили во рту горечь. Хотелось чая с лимоном. Шамси жил неподалёку, но звать даму к себе не отважился. Из ресторанов гадко несло водкой, пивом. Туда он тоже не мог пригласить её. В конце концов решил, что чай попьёт у себя.

Стали приближаться к дому Анны Васильевны. Она вдруг посмотрела на него и сказала:

– Пойдёмте ко мне, попьём чаю.

Шамси с радостью согласился. Купил, не смотря на возражения Анны Васильевны, яблок с апельсинами. Хотел взять конфет, но она не позволила. Открыв дверь, хозяйка оставила гостя в прихожей раздеваться, а сама прошла вперёд. Не успел он снять пальто, как она вышла и сказала:

– Прошу вас!

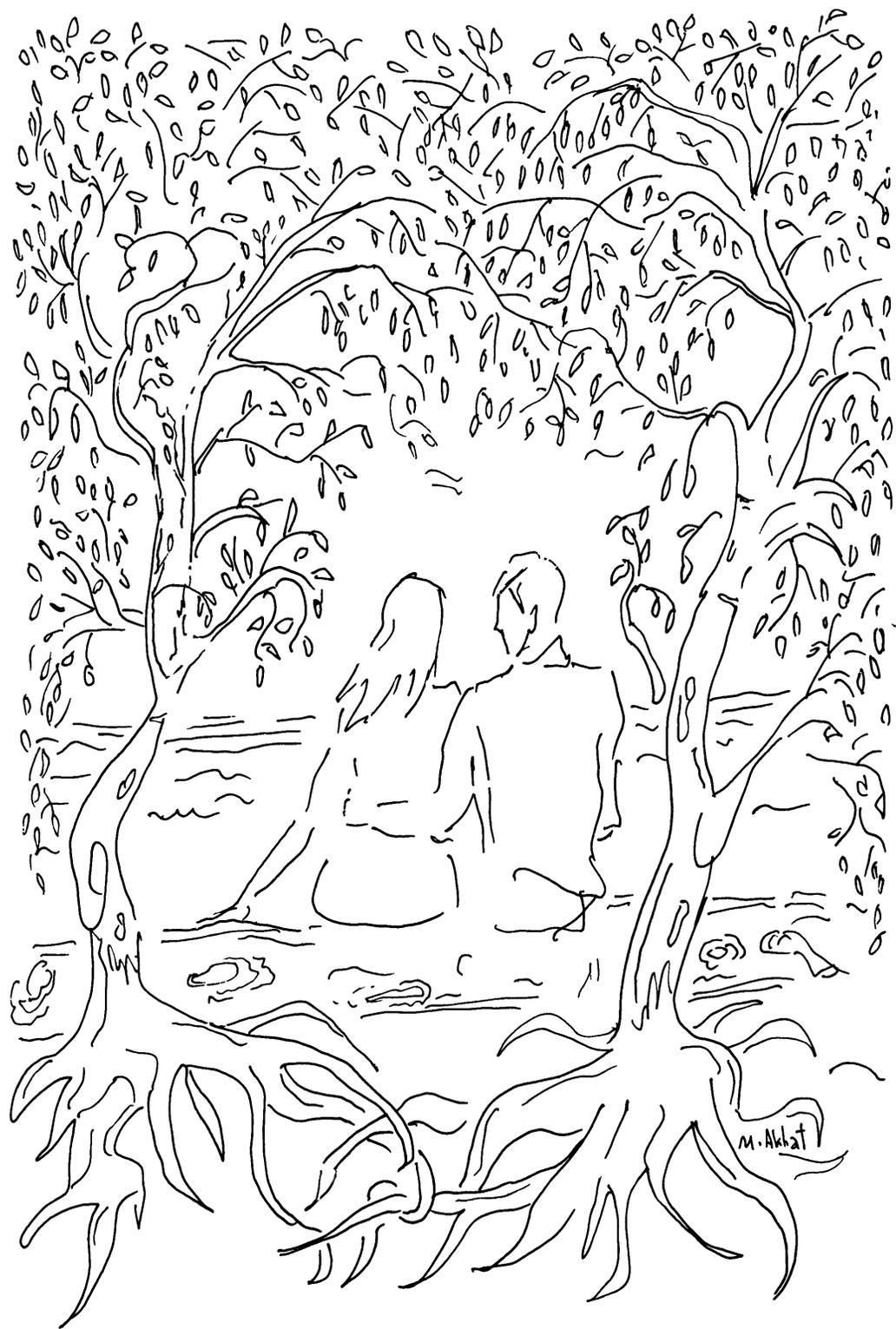
Шамси оказался в довольно длинной комнате с высоким потолком. Он с удивлением осмотрелся. На окнах белоснежные занавески, справа опрятная кровать с горкой подушек в белейших наволочках, застланная белым покрывалом. Слева горделиво возвышается громоздкий диван в светлом чехле. Возле окна большой стол, накрытый белоснежной скатертью. Слева, в углу, опрятный комод с большим зеркалом и бесчисленными баночками и скляночками – принадлежностью женского туалета. Стены, затянутые шёлковыми обоями с цветами, украшены открытками. В воздухе слышался тонкий аромат дорогих духов. Шамси осторожно присел на диван. Оказавшись среди душистого уюта и опрятности, он совсем забыл о чае. Мягкий диван нежно принял его в свои объятия, и глаза вдруг затуманились дремотой. Тело ощутило усталость, тянуло забыться.

Тем временем Анна Васильевна, сняв верхнюю одежду и повязав маленький передничек, накрывала на стол. Достала из комода печенье, наполнила вазочку вареньем. В отдельную тарелку положила пирожки. В красивой посуде выставила масло, сыр. На стол взгро-

моздился самовар. Шамси всё ещё не мог поверить: неужели это жилище приказчика, который зарабатывает всего 30 рублей?.. Он получает 60, но у него дома нет такого уюта. Комната, в которой он живёт, похожа на собачью конуру, хотя он платит за неё 18 рублей, а не 10, как Анна Васильевна? Чай был очень вкусный, и угощение замечательное. Они разговорились. Шамси, увлечшись рассказом о себе, о своих близких, не заметил, как прошло много времени.

В четвёртый и в пятый раз они уже встречались, испытывая взаимное удовольствие. Однажды вечером Шамси навестил женщину. В другой раз Анна Васильевна забрала его с собой в театр. Отношения были дружеские, товарищеские.

Дни становились всё длиннее, солнце повернуло на весну. Шамси с Анной Васильевой, желая насладиться прекрасными зимними днями, решили отправиться с утренним поездом в Финляндию, на станцию Таулар. Там они катались с гор на санках вдвоём и в компании с другими людьми. Проголодавшись, поели в таверне блюда, приготовленные по финским рецептам. Выпив вкусный кофе, снова вышли на природу. Взяли лыжи и пошли по сугробам большого, широкого озера, проваливаясь и падая. Лыжи не слушались неумелых лыжников, то и дело срезали снег наискосок. Только наладят, ноги снова разъезжались в разные стороны, лыжи скрещивались, и горе-лыжники летели в снег. Едва удавалось поднять одного, как то же самое случалось с другим. В ботинки набился снег, носки промокли, ноги мёрзли, но они вставали и шли дальше. Настроение было чудесное, они не замечали, как бежало время, не чувствовали усталости. Лишь добравшись до дальнего края озера и присев отдохнуть, увидели, что с головы до ног облеплены льдом и снегом. Солнце, посветив прощальными лучами, на глазах ушло за лес, едва различимый из-за ослепительно белых сугробов. Анна Васильевна немного устала. Женская одежда её не была приспособлена

он ещё не был женат

для лыжных прогулок, поэтому обратно пошли медленно, держась за руки. С грехом пополам добравшись до финского дома, они рухнули без сил. В тепле усталое тело горело огнём. Одежда оттаяла и стала совсем мокрой – хоть отжимай. Они вынуждены были разуться, раздеться и сушить вещи. Шамси натянул на себя старые штаны финского дяди-хозяина, а брюки, носки, ботинки поставил сушить. Анна Васильевна в капоте хозяйки развесила у печки всю свою одежду – верхнюю и нижнюю.

Усталым гостям ржаной финский хлеб с чуточку подсолёным маслом показался лакомством. А кофе с густыми сливками был столь чудесен, что они чуть языки не проглотили. Сидя за столом, долго ждали, но одежда всё ещё была мокрой. Выбираться на холод в мокрой одежде опасно. Финны на плохом русском языке уверяли: «Ещё ного ремя». Приходилось ждать. Когда вещи высохли, по сверкающему при белёсом свете луны снегу отправились на вокзал. Пока шли, радуясь морозцу, с удовольствием разминая молодые, здоровые ноги, поезд подошёл. Как ни спешили, успеть на него не удалось. Следующий должен быть через четыре часа. В Петербург он прибудет только утром. Решено было вернуться к финнам и заночевать у них. Пока им готовили постель, вышли из дома, чтобы ещё раз окунуться в белое финское безмолвие, постоянство, снова почувствовать свободу, насладиться очарованием финской зимы. Пошли в сторону тихого, заваленного снегом, безлюдного леса – зелёное диво посреди снегов. Они дышали крепким, здоровым ароматом сосен и ёлок, купались в море блаженства.

Вернувшись, увидели, что в маленькой комнате для них застелили большую кровать на двоих. Хозяйева приготовили для умывания воду, чистые полотенца. Друзья с удивлением воззрились на широкое ложе, будто спрашивая: да что же это такое? Никому, однако, не пришло в голову сказать: «Нет, так не пойдёт». Оба молча покорились случаю.

За утренним кофе они избегали смо-

треть друг другу в глаза, а по дороге на станцию, боясь снова опоздать на поезд, об этом уже не думали. В городе сели в разные вагоны и расстались вполне дружелюбно. Лишь оставшись наедине, Шамси подумал: «К чему все эти сомнения, терзания? Что такого особенного случилось? Я неженатый джигит, она свободная женщина...»

Дальнейшие их встречи проходили так же, как прежде. Ничего не изменилось.

Время шло, и как бы далеко ни шагнули их отношения за пределы дозволенного, Шамси продолжал считать себя неженатым человеком, которому ещё предстояло обзавестись семьёй. Вопрос не вызывал в нём сомнений. С Анной они никогда не обсуждали это. Ни видом своим, ни словом он не давал ей понять, будто их отношения как-то беспокоят его.

Что касается денег, подруга его была чрезвычайно щепетильна и аккуратно вносила свою долю при плате за театр, за посещение буфета и даже за трамвай. Шамси это удивляло, казалось излишним, но он был вынужден подчиниться желанию Анны.

С наступлением весны, когда Петербург погряз в зловонии, а счастливые обитатели большого города перебрались на природу, Шамси и Анна вынуждены были в жаркие летние дни сидеть в душных магазинах, а пыльные ночи проводить в своих каморках среди каменных стен. В разгар прекрасной весны и лета, когда природа полна благоуханных цветов и ярких трав, когда хозяева и старшие приказчики блаженствовали, набираясь здоровья на дачах, эти двое в разных концах города стерегли магазины. Изнемогая, вынуждены были приноравливаться к капризам безнравственных покупателей. Лишь в редкие праздничные дни удавалось им выбраться на пароходе в Финляндию или Кронштадт, где они могли видеть, как прекрасно лето, как радостно быть на открытом просторе. Но это лишь огорчало их, возбуждая невыполнимые желания.

* * *

В середине июля хозяева и старшие приказчики вернулись. Хотя подошло время отдыха, наши друзья вынуждены были работать день и ночь из последних сил, поскольку оба магазина собирались ехать на Макарьевскую ярмарку. Анна освободилась двадцать пятого июля и получила разрешение на отдых до первого сентября, тогда как Шамси, проводив хозяев на ярмарку, мог рассчитывать на отдых лишь с первого августа. Оба были измучены жизнью, похожей на ад, и договорились один месяц вместе провести на даче. Воспользовавшись свободными днями, Анна нашла в Финляндии дачу в десяти-двенадцати километрах от железной дороги, на берегу большого озера, возле густых зарослей чёрного тополя и сосны. Она целый день ходила по магазинам, набирая всё необходимое для месячного существования, и уехала, не дожидаясь Шамси.

Нагруженный корзинами, чемоданами, подушками, он прибыл на станцию Мустамаки рано утром и нашёл Анну на платформе. Похоже, она приехала только что: на лице ещё сохранялось выражение беспокойства – успеет ли она к поезду. Женщина изменилась. Раньше он не видел её в лёгком летнем платье и крымской шляпе с широкими полями. Лицо тоже стало другим. Оно зарумянилось, глаза лучились плохо скрываемой радостью, движения, походка были легки и проворны. Она встретила Шамси словами:

– Ты привёз с собой запах города.

Он погрузил вещи в финскую тележку, на которой приехала Анна, и они отправились в путь. Маленькая кругленькая финская лошадка покатила по дороге, как клубок. Они нырнули в зелёный лес. Чуть влажный запах сосны щекотал Шамси ноздри. Вот небольшая поляна. Ягоды черники густо облепили низкорослые кустики. Казалось, они так и стоят со дня сотворения мира; а среди багряных листьев россыпи кроваво-красных ягод земляники.

На опушке леса рябины, увешанные большими гроздьями, стоят, раскинув сучья и заполнив собою всё пространство вокруг; каждая веточка украшена кораллами ягод, а листья, будто стыдливо зардевшись от столь роскошного соседства, блестят в лучах солнца.

Вот впереди открылась длинная пологая гора. И тут финская лошадка, будто того только и ждала, вдруг, собравшись с духом, припустилась к ней, словно одержимая страстью подняться над зелёным массивом леса.

На горе был луг. Анна, показывая влево, сказала:

– Мы сейчас на самом высоком месте Финляндии. Вот там море... Видишь, далеко-далеко нечто большое и белое, завёрнутое в пелену?... Местами оно блестит в лучах солнца, а местами спокойно, будто боится уронить своё достоинство... А озеро видишь? Оно продолговатое и извилистое. Такое впечатление, будто воды его ни разу не взволновались за всё время его существования – сохраняют вечный покой. Высокие сосны, обступившие озеро, словно застыли, пленившись его гордым величием. И широкий зелёный ковёр трав, будто боясь нарушить покой, не допускает к себе ни бабочек, ни птиц... И прямой, как серебряная стрела, ручей течёт тихо, осторожно, без бурления и плеска, будто давным-давно знает, куда надо течь. А зелёную дачку видишь? Она наша... Её едва видно из-за деревьев; есть у неё окошко, в котором играют первые лучи утреннего солнца. Там тоже всё объято грустью и тишиной.

Лошадь бежала всё быстрее и быстрее. Дорога уходила в лес. Шамси чувствовал, как покой и тишина разливаются по всему его телу. Лошадь, едва ступив в лес, неожиданно свернула, прошла между частями изгороди, поднятыми вверх, и остановилась перед дачкой, похожей на кукольный домик.

Анна увлечённо, словно ребёнок, хвастающий своими игрушками, принялась показывать Шамси дачу. Три

комнаты и терраса, обращённая к лесу. Наверху просторный чердак.

Шамси глядел и не мог поверить, что это их дача. Он не представлял себе, как можно жить, ничего не делая. Смогут ли они набраться здесь здоровья? Как жить без магазина, не меряя аршином товар?

Взгляд его упал на озеро, широко раскинувшееся перед ним, полное покоя и величия. Забыв о еде и питье, он вдруг загорелся желанием поплавать. Не дожидаясь, пока Анна достанет из чемодана рубашку и брюки, он побежал к озеру. Напевая какую-то татарскую песню, разделся и, насвистывая, вошёл в воду.

Он кричал, орал, плавал, нырял, плескался.

Отбросив городскую накрахмаленную рубашку, надел лёгкую летнюю, сменил башмаки на шлёпанцы и отправился на террасу, где уже был приготовлен чай. Усевшись за стол, он вдруг почувствовал себя настоящим дачником. Домашний пирог со смородиной, пирожки с луком и яйцами окончательно укрепили настроение. Он не знал, как благодарить женщину, которая за столь короткое время сумела сотворить эту красоту. Заглянул Анне в глаза, которые излучали счастье. Она поняла, что означал его взгляд, и сказала:

– Так тебе понравилось?

Шамси, у которого не хватало слов, чтобы объяснить, что чувствует, заключил Анну в объятия и наградил долгим поцелуем. Он ел, нахваливая, пироги, выпил огромное количество чашек чая, что-то говорил. После купания, чая,

настроение поднялось, хотелось веселиться, смеяться. Они гонялись друг за другом, играли в прятки, в мяч, качались на качелях. Устав, он прилёг отдохнуть и не заметил, как погрузился в сон.

Когда он открыл глаза, тени деревьев вытянулись. Озеро, прикрытое – где густо, а где редко – кружевом листвы, стало изумрудным. Зелёная трава от дачи до озера была слегка подёрнута мглой. Сосновый бор на противоположной стороне озера был затянут белесым флёром. Землю от озера до сосен покрывали золотые колосья ячменя, блестящие на солнце. Всё, всё – земля, трава и вода – казалось, было одурманено ароматом смолы, очаровано молодостью и красотой хвойных деревьев. Даже редкие насекомые и птицы, летевшие на крупные красные ягоды рябины, удивлялись необычной тишине.

Шамси долго смотрел на небо, искал хоть что-то, способное двигаться. Но облака на зеленоватом небосклоне, казалось, тоже уснули. Он перевёл глаза на лес, но и сосны, крепкие и стройные, словно джигиты-молодцы; и ёлки-мерзляки, от самой земли закутавшиеся в ветки; и раскидистые рябины, украшенные ярко-красными гроздьями и напоминавшие деревенских девушек в пышных платьях со множеством оборок, смущённые тем, что не слишком стройны, что листья у них мелкие; и юные берёзки, стыдливо выглядывавшие из-за стволов, оттого, что не смогли укрыть свои белые стволы от солнца, – всё было неподвижно, словно заколдовано кем-то.

*Перевод с татарского
Азалии Килеевой-Бадюгиной*